

Приближаясь к юбилею Сталина и к окончанию «года Сталина», мы приводим отрывок из работы А.Б. Мартиросяна о жизни и деятельности И.В. Сталина.

В своих работах Арсен Беникович Мартиросян развенчивает мифы созданные «троцкистами» и антисталинистами Сталинской, и после Сталинской эпохи.

А.Б. Мартиросян в своих работах использует архивные документы. Именно поэтому события, связанные с жизнью и деятельностью Сталина, через призму работ Мартиросяна получают совершенно иное понятное объяснение, отличное от принятой нынешними «демократизаторами»-«троцкистами» антисталинской точки зрения.

ИАС КПЕ

Сталин якобы умышленно инициировал репрессии в СССР в 1937—1938гг., для того, чтобы вырезать так называемую «ленинскую гвардию». Кроме того, Сталин якобы умышленно создал ГУЛАГ как «машину для уничтожения народа».

Это излюбленные мифы всех антисталинистов. Расценивается ими как убойный — из-за возможности жонглировать цифрами с шестью, а то и больше нулями. Кто только и как только ни поупражнялся на эту тему. В буквальном смысле слова тьма-тьмущая этих «миллионоведов» — всех даже и не перечислить, ибо никаких книг не хватит. И все давят на эмо-ции. Но что же было в действительности?

А в действительности за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. осужденных за контрреволюционные преступления по ст. 58 УК РСФСР и аналогичным статьям уголовных кодексов союзных республик насчитывается всего **3 777 380** человек, из них **2 ,9 млн.**

(76,7 %) — внесудебными органами. Именно эти данные 1 февраля **1954 г.**

официально сообщили Хруще-ву Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, министр внут-ренних дел СССР С.Круглов и министр юстиции СССР К. Горшенин. Если учесть, что к моменту представления этих дан-ных прошёл почти год после смерти Сталина, а осуждения по ст. 58 УК всё равно продолжались, то необходимо вычесть из указанного общего количества репрессированных за контр-революционные преступления среднегодовое количество осужденных в количестве

114 466

человек за указанный пе-риод, ибо эти 114 466 человек «доля» уже лично Хрущева (Всего же только за год после смерти Сталина борец с культом личности засадил за решетку 589 тыс. человек). Однако полученная таким образом цифра —

3 662 914

— бу-дет слегка лукава. Ведь чисто сталинский период начинается. С конца января 1924 г. и заканчивается 5 марта 1953 г. Следова-тельно, необходимо вычесть ещё три раза по 114 466 чел., в результате чего подлинное количество осужденных за контр-революционные преступления в период единоличного пребы-вания Сталина у власти составит

3 319 516

человек. Конечно, осужденным, репрессированным и тем более, расстрелянным от такого подсчёта легче не станет. Но, увы, ввиду непрекра-щающейся вакханалии издевательств так называемых «демок-ратов» не столько над цифрами, сколько над самим фактом репрессий и стоящими за ними трагическими судьбами лю-дей, вынужден сделать такие подсчёты.

Кроме того, объективность требует вычесть из этого ко-личества и тех, о ком однозначно сожалеть не приходится. Речь идет о нарушителях границы, агентах иностранных разведок, диверсантах, террористах, членах вооружённых банд. Эти прекрасно знали, на что идут. Дело в том, что только за период с 1921 г. (тогда ещё РСФСР) по 22 июня 1941 г. одних только нарушителей было задержано свыше 932 тыс. человек (практически 10 армий!), то есть по 46 600 чел. в год, или при-мерно по **128** чел. в день, или в час —

5,5

нарушителя! Кроме того, за этот же период задержано свыше 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов, свыше 40 тыс. вооружённых бан-дитов, составлявших

1319

ликвидированных вооружённых банд. То есть в указанный период за год только этой «публи-ки» задерживалось в среднем по 3500 чел. (10 чел. в день), ликвидировалось по 66 вооружённых банд в год или по 5,5 — в месяц! Везде шла необъявленная, тайная, ожесточенная вой-на против СССР!

И то же самое продолжалось и после войны. В первые послевоенные годы очень сурово разбирались с предателя-ми, изменниками, власовцами, различного рода иными по-собниками фашистских оккупантов, агентами гестапо и т.п. Естественно, что

продолжалась и активная борьба с вооружёнными бандитскими формированиями, в том числе и оставленными гитлеровцами, но перешедшими на службу американской и английской разведок. Последние банды различных «лесных братьев» в Прибалтике и на Западной Украине были ликвидированы уже в конце 1950-х гг. Так что если быть до конца объективным, то из **3 319 516** человек осужденных за контрреволюционные преступления по ст. **58 УК** в период пребывания

Сталина у власти необходимо вычесть как минимум ещё один миллион человек. С указанными категориями нарушителей уголовного законодательства ни в одной стране мира не миндальничают, иначе нет ни суверенитета, ни территориальной целостности, ни неприкосновенности границ государства.

В итоге получится более или менее объективная цифра осужденных при Сталине за контрреволюционные преступления — **2 319 516** человек. Именно их трагическая участь и имеет право на особое внимание. Потому как среди них были как справедливо осужденные, так и несправедливо. И это, к глубокому сожалению, непреложный факт. Много это или мало? Во всяком случае, явно не десятки миллионов, коими непрерывно страдают записные «демократы».

Для сведения читателей: за весь постсталинский период и вплоть до насильственного развала СССР в стране было репрессировано примерно 48 млн человек! Без малого почти каждый шестой гражданин СССР. И это называлось возвращение к «ленинским нормам жизни», к «социализму с "человечьим лицом"»!?

Правда, в соответствии с заведенной ещё негодяем Хрущевым дурацкой «модой» у нас все равно все сводится к известной формуле: «триумф вождя оборачивался страшной трагедией народа». Однако «изобретателя» этой формулы — генерала от истории Д.А. Волкогонова — мудрый народ метко прозвал Туфтогоновым. Между тем репрессии того периода настолько сложное и запутанное явление, что нужен хотя бы самый простой минимум ясности в таком особо важном вопросе. А эмоции и всякие «формулы» в таком деле — лишнее. Именно поэтому-то хотелось бы внести определенную ясность, почему так произошло в 1937—1938 гг.

Прежде всего, Сталин вовсе и не собирался устраивать «страшную трагедию народа». Сколь ни парадоксально это показалось бы, но фактом является то, что из всего тогдашнего руководства именно Сталин отличался наиболее умеренным подходом и отсутствием кровожадности. Именно он чаще всех настаивал на неприменении суровых приговоров. Именно он чаще других настаивал на неиспользовании вне-судебных полномочий, особенно при вынесении суровых приговоров. Документально точно

известны многие случаи, но один из них, имеющий прямое отношение к лицу, лично спро-воцировавшему репрессии 1937—1938 гг., приведем специ-ально. В сентябре 1934 г., воспользовавшись им же лично спровоцированными — в виду полной некомпетентности и неумения организовывать хозяйственную работу — трудно-стями при хлебозаготовках, а также пребыванием в его крае председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, 1-й секре-тарь Западно-Сибирской краевой парторганизации Роберт Индрикович Эйхе уговорил его предоставить сформирован-ной в крае «тройке» незаконное даже по тем чрезвычайным условиям право вынесения приговоров о высшей мере нака-зания. Молотов направил соответствующую телеграмму в Москву. Там она была согласована с Кагановичем и Ждано-вым. Однако, понимая всю неправомерность такого реше-ния, эта отнюдь не святая троица решила свалить ответствен-ность за него на Сталина. Соответственно направили ему в Сочи, где он отдыхал, телеграмму с просьбой утвердить та-кое решение. 10 октября 1934 г. Сталин ответил: *«Не пойму, в чём дело. Если можете, лучше обойтись без тройки, а ут-верждать приговоры можно в обычном порядке»*

(Архив Президента РФ (ранее «Особая папка» Политбюро ЦК КПСС). Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 17.). То есть в судебном порядке! Если суд сочтет такой приговор целесо-образным.

Именно Сталин был инициатором очень многих помило-ваний, в том числе и с заменой высшей меры наказания — рас-стрела — на более мягкие приговоры. На этот счёт существу-ет также немало убедительных доказательств. И одним из наи-более ярких примеров является факт замены расстрельных приговоров пяти основным фигурантам громкого тогда дела «Промпартии» десятью годами тюремного срока. Причем один из самых главных фигурантов этого дела — выдающийся рос-сийский инженер-теплотехник Л.К. Рамзин — в 1943 году по-лучил самую престижную в те времена Сталинскую премию. Подчеркиваю, что таких примеров немало, и остается лишь искренне сожалеть, что объем книги не позволяет привести их все.

Что же до сути тех трагических событий, то настоящая объективность и справедливость требуют не воспринимать вся-кого рода эмоциональные вопли Насчёт того, что-де «револю-ция пожирает собственных детей». Тем более всякие разгово-ры Насчёт термидора — по аналогии с великой французской революцией. И особенно всевозможную болтовню Насчёт не-весть откуда взявшихся жестокости, злобности и злопамят-ности Сталина, в силу которых он, видите ли, встав как-то по утру с левой ноги, взял да и порешил вырезать всех своих соратников. Все это бездумно «красивые» и, подчеркиваю, эмоциональные всплески эпистолярного жанра. В реальности же это полная чушь и глупость. Потому как неизбежность беспощадной борьбы с оппозицией автоматически была за-программирована самой сутью России. А её суть, как отмеча-лось ещё во введении к пятитомнику, заключается в БЕЗО-ПАСНОСТИ. Суть же самой запрограммированности ещё лет за семьдесят до 1937 г. сформулировал один из самых выдаю-щихся светочей русской политической мысли, фактический

основоположник русской школы геополитики — Н.Я. Данилевский, который прямо указал на одну принципиальную особенность реакции России на любые социальные эксперименты с ней.

«Но как ни внешне наше русское просвещение, как ни оторвана наша интеллигенция (в большинстве своем) от народной жизни, она не встречается, однако же, в русском народе и в России "TABULAM RASAM" (То есть «чистую доску» (лат.)) для своих цивилизаторских опытов, а должна, волею или неволею, сообразовываться с веками установившимся и окрепшим народным бытом и порядком вещей. Для самого изменения этого порядка интеллигенция принуждена опираться, часто сама того не замечая, на народные же начала, когда же забывает об этом (что нередко случается), то народ, составивший долгим историческим опытом общественный организм, извергает из себя чуждое, хотя бы то было посредством гнойных ран, или как бы облегает его хрящеватой оболочкою и обособляет его от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешает, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждает его, и она обтекает и обходит его мимо».

Всё получилось точно по Данилевскому. Принужденные, сами того не замечая, опираться на народные же начала для изменения самого порядка вещей, Ленин и К°, пускай и случайно, но ещё в самом начале революции осуществили мощные геополитические прививки всей России. После таких прививок победить Россию и её народ невозможно. Тем более было невозможно навязать, особенно в абсолюте, волю к геополитическому разрушению. И иного не могло быть по определению. Белое движение, к слову сказать, поскользнулось именно на вопросе о земле и, конечно же, на сотрудничестве с Антантой, откровенно не желавшей восстановления единой и неделимой России.

Если обобщенно, то инспирированная Западом «русская революция», особенно же октябрьский переворот, с самого начала пошли не тем путем, который был изначально согласован, с одной стороны, между Лениным и К° и тевтонами, Лениным и К" и англосаксонским Западом, с другой — между Троцким и К° и Западом (в первую очередь англосаксонским), и, наконец, между Лениным и К° и Троцким и К°. Неосознанно произведенные Лениным мощнейшие геополитические прививки всей России против его же разрушительных планов в результате инициировали процесс зарождения и быстрой выкристаллизации в ближайшем же тогда будущем острейшего, абсолютно непримиримого, глобального противоречия между коммунистами и большевиками. А уже в горниле самой «революции» и спровоцированной при прямом соучастии Запада братоубийственной Гражданской войны, как исторически само собой разумеющееся, это противоречие перековалось в фатально неизбежные две мощнейшие

одноименные политические силы, предрешив тем самым и их мощнейшее столкновение «стенка на стенку» в будущем! Потому как с помощью именно большевиков, если по Данилевскому, народ и стал постепенно извергать из себя чуждое, хотя бы то и посредством различных «гнилых хран». А если оно ещё не было возможным в полной мере, то как бы облегал хрящеватой оболочкой и обособлял чуждое от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешало, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждало его, и она обтекала и обходила его мимо.

Этим «чуждым насаждением» и были так называемые интернационалисты-космополиты в лице присланных с Запада «марксистствующих доктринеров» — «коммунистов», основной костяк которых составляли прибывшие вместе Лениным и Троцким эмигрантские «шайки подонков больших городов Европы и Америки». Для этих не было ничего святого, и ничто для них не имело значения, кроме разрушения России и «мировой революции», в которой России они отводили роль «вязанки хвороста». На Россию им было откровенно наплевать, что, к слову сказать, они и не скрывали. Лидером этой группы был Троцкий. «Большевики» же открыто ассоциировались, пускай особенно на первых порах, с квази-, но именно же имперски ориентированным патриотическим, великодержавным крылом в партии, которое выступало за территориальную целостность России едва ли не полностью в рамках границ прежней империи и её возрождение на новых началах и принципах. Эту группу объективно возглавил Сталин.

В этом плане очень характерна оценка Сергея Дмитриевского — бывшего советского дипломата, практически одновременно с изгнанием Троцкого из СССР добровольно оставшегося на Западе. За это он «удостоился» весьма нелестных эпитетов со стороны Сталина в его «Политическом отчёте ЦК XVI съезду ВКП(б)» 11 июня 1930 г. В 1931 г. С. Дмитриевский издал на Западе книгу «Сталин». Переосмыслив пройденный им путь в революции, а также и самую русскую революцию, он блестяще показал, что и как произошло.

«Партия Ленина, — писал С. Дмитриевский, — никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим её людьми. Единство её выступлений вовне, её "генеральной линии" охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом её создателя и вождя. В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и почти все активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Наметилась неизбежность жестокой борьбы...

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку. Взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемония западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней — то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов.

Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзнуть, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь её целиком в руках своих и избранного класса. Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием "подлого" земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и её народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции переберется на "передовые", "цивилизованные" страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полукolonии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение. В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом организовав из русско-го рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату.

Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее "рабоче-крестьянского" государства и союза, ставка на "рабочее" государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое — городом деревни. Отсюда же в дальнейшем идея "сверхиндустриализации" России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-владельца. Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше "стабилизировался". В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли, в конце концов, к "ликвидаторству":

русская революция потеряла для них смысл* (Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников в документах эпохи/Составитель М. Лобанов. М., 1995. С.73—74.). Однако Троцкий был человеком очень сильного ума и воли и вовсе не намеревался сдаваться. Как, впрочем, и Сталин не намеревался отказываться от своего курса строительства социализма в отдельно взятой стране и превращения СССР в могучую державу мирового уровня. В результате и без того запрограммированное самой сутью России неизбежное кровавое столкновение между «коммунистами» и «большевиками» приобрело характер абсолютно неминуемой фатальности.

В соответствии с логикой Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, о котором говорилось ещё во введении к пятитомнику, это неминуемо вело к восстановлению национального суверенитета, независимости и территориальной целостности России, её экономического, политического и военного могущества на новых началах и принципах. Проще говоря, к восстановлению столь ненавистой Западу единой, неделимой и могучей России! Что в итоге и было сделано, хотя бы и в лице СССР!

К слову сказать, легендарный гуру англосаксонской геополитики Маккиндер ещё в самом начале XX века откровенно предупреждал правящую элиту Великобритании и всего Запада о том, что никакая социальная революция не сможет изменить отношение России к великим географическим границам её существования. Потому как они тождественны понятию её Безопасности — Безопасности её бытия вообще, то есть прежде всего как страны, а не только как государства. Увы, пророков и на Западе не слушают и не слышат.

Если резюмировать удивительно точную, пронзительнейшую мысль всю свою сознательную жизнь откровенно русо-фобствовавшего Маккиндера, то увидим потрясающий непреложный факт. Ведь и он тоже, пускай и в слегка завуалированной форме, но предупреждал, что абсолютная невозможность изменения посредством социальной революции отношения России к великим географическим границам её существования, проще говоря, к своей сути, то есть Безопасности, автоматически приведет к отторжению такой социальной революции. Более того, приведет к перерождению такой социальной революции в то, что действительно соответствует сути России — к сохранению её великих географических границ, что тождественно Безопасности России. Что и произошло. Но ведь этим же было запрограммировано и кровавое столкновение «коммунистов» и «большевиков». Потому как в борьбе с Советским Союзом Сталина оппозиция откровенно была готова торговать национальным суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью именно же России как стового хребта СССР. В таких случаях исторические споры решаются только по принципу «или — или». Иного не бывает. Кстати говоря, до 1945 г.

основная задача и Запада тоже заключалась не просто в уничтожении СССР, а именно же большевизма прежде всего. То есть именно в большевизме Запад видел суть своего основного геополитического конкурента. Во всех своих тайных решениях по уничтожению СССР в первой половине XX века Запад оперировал термином «большевизм», и, вкладывая в него сугубо геополитический смысл, постановлял — «большевизм должен быть уничтожен»! Насчёт же коммунистической и тем более советской угрозы он тогда не распространялся. Это уже стало «модным» в послевоенный период.

Именно поэтому-то изначальная цель событий 1937—1938 гг. состояла в бескомпромиссной и беспощадной борьбе с подрывной антигосударственной деятельностью оппозиции, главным образом троцкистской. Причем о необходимости этой борьбы и её беспощадности Сталин предупредил оппозицию ещё за два года. Речь идет о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1935 г., которое гласило:

«1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами.

За кулисами этого пункта стояла безупречная разведывательная информация как об интенсивных военных приготовлениях Германии, так и особенно о том, что во время мартовских 1935 г. англо-германских переговоров Великобритания впервые выдала Гитлеру карт-бланш на его экспансию в восточном направлении.

2. Создать Особую комиссию Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа.

За кулисами этого пункта стояли многочисленные и многолетние данные органов госбезопасности о резкой активизации и так никогда не прекращавшейся антигосударственной, подрывной деятельности троцкистской оппозиции, ориентированной, как и прежде, на ситуацию войны, прежде всего на организацию военного поражения СССР, в условиях которого она намеревалась перехватить власть в стране.

3. Провести во всей партии две проверки — гласную и негласную.

4. Обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов на-рода и их ликвидации».

Во-первых, тем самым Сталин открыто и однозначно пре-дупредил всю внутреннюю оппозицию, включая, естествен-но, и генеральскую, что в связи с надвигающейся угрозой вой-ны он более не намерен терпеть какую бы то ни было оппози-цию. Кстати, он не впервые это сделал. ещё во время первой «военной тревоги» в 1927 г. он точно так же ставил задачу — *«...чтобы укрепить тыл, надо обуздать оппозицию»*.

Решительный тон постановления Политбюро от 15 мая 1935 г. требовал от всей оппозиции прекратить свою заговор-щическую деятельность перед лицом надвигающейся угрозы войны, иначе её участь будет печальна. Тем более что ещё 4 мая 1935 г. Сталин открыто предупредил генералов, что ему хо-рошо известно, как они «угрожали свергнуть нынешнее руководство, угрожали убить кое-кого из высшего руководства».

А ведь угрожали убить-то как раз его самого! Сталин не толь-ко дал понять, что если и не все, то очень многое об их загово-ре ему известно, но и реальный шанс прекратить свою заго-ворщическую, подрывную деятельность?! Подчеркиваю, что Сталин сделал это, что называется, «с открытым забралом» — главари оппозиции, в том числе и генеральской, прекрасно знали об этом постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), но, как всегда, проигнорировали и это предупреждение. И в 1936— 1937 гг. оппозиция пошла на резкую активизацию своей под-рывной деятельности, что закончилось для кого-то из них длительной отсидкой в тюрьмах и лагерях, а для кого-то — и вовсе у расстрельной стенки. За что боролись — на то и поро-лись.

Во-вторых, говорить о «страшной трагедии народа» в це-лом не приходится. Подлинно страшная трагедия народа име-ла место как раз в ленинский период, с 1918 по 1922 г., когда «самый человечный палач» Ульянов-Ленин, будучи формаль-но ещё в здравом уме, не без удовольствия безумствовал на ниве кровавого террора против народов России, прежде всего против русского народа. Выдающийся историк современнос-ти, ныне, к глубокому сожалению, покойный Вадим Кожинов неопровержимо доказал, что в указанный период погиб-ло в 30 раз больше людей, чем в период 1936—1938 гг.

Однако трагедия все-таки имела место быть. **Но трагедия партии, точнее, её так называемого ленинского ядра.** Как это и

было запрограммировано острейшим, абсолютно неприми-римым, глобальным противоречием между

коммунистами

и

большевиками

. В. Кожин, пожалуй, первым в отечественной историографии обратил внимание на прямо коррелирующую связь между количеством репрессированных по политическим мотивам (то есть за контрреволюционные преступления) и количеством убывших из партии. По его данным, в январе 1934 г. в ВКП(б) состояло

1 млн. 874

тыс.

488

членов и

935 тыс. 298

кандидатов в члены, которые к 1939 г. должны были стать полноправными членами партии. В таком случае общая численность партии к 1939 г. должна была бы составить примерно

2,8

млн. человек. Однако к марту 1939 г. членов ВКП(б) насчитывалось не около

2,8

млн. чел., а только

1 млн. 588 тыс. 852

человека. То есть на 1

млн. 220 тыс. 932

человека меньше, чем членов и кандидатов в члены партии совокупно насчитывалось в январе 1934 г. Но именно эта, зафиксированная «убыль» из рядов партии цифра наиболее близка к числу репрессированных в 1937—1938 гг. «политических» —

1 млн. 344 тыс. 923

человека.

Конечно, суть дела не в точных подсчётах. «Убыль» могла иметь место как по естественной причине, которую никто не в силах отменить, так и без репрессивных последствий выбытия из партии. Тем не менее близость указанных цифр вполне обоснованно позволяет говорить не о «страшной трагедии народа», а о «трагедии партии». Да и то только в кавычках. Потому что некогда начавшаяся, точнее, инициированная и инспирированная Западом и прислуживавшей ему «шайкой подонков низших слоев больших городов Европы и Америки» как «русская революция», последняя очень быстро стала превращаться действительно в русскую революцию. Сталин не имел к той шайке ровным счётом никакого отношения, так как всю жизнь революционера провел в России и никогда не увлекался идеей «мировой революции». Потому и возглавил большевистское течение в партии, означавшее возрождение России практически по имперским лекалам, но на новых началах и принципах. 1937—1938 гг.

явились финалом этого процесса. И бешенство антисталинской оппозиции более всего проистекало именно из того, что «коммунистов-интернационалистов» откровенно стали заменять на русских. Выжившие в тот период представители оппозиции даже спустя десятилетия не скрывали, что вся их неопишуемая злоба на Сталина проистекает именно из того факта, что с середины 1930-х гг. «в правительство подбирали людей с русскими фамилиями». Между прочим, не только в правительство.

В-третьих, разгульный масштаб репрессий стал печальным фактом истории в силу следующих основных причин.

С одной стороны, антисталинская оппозиция изначально договорилась о том, что в случае провала и ареста каждый из оппозиционеров должен топить свою ответственность в не-заслуженных страданиях невинно арестованных по их же наветам и клевете. Логика у оппозиции была ещё та — «чем больше посадят, тем быстрее прекратятся репрессии против на-стоящих заговорщиков». Не шибко умная от природы вдова Бухарина — Анна Ларина — проболталась об этом в своих мемуарах, сославшись на одного из видных представителей троцкистской оппозиции Сокольников. В интервью «Московскому комсомольцу» в 2006 г. вдова маршала Катукоева рассказала, как это на практике происходило. По её словам, возвращаясь с допросов, её же сокамерницы едва ли не с чувством выполненного долга буднично произносили: *«Сегодня я посадила ещё семнадцать человек»!*

Пострадавший в те годы генерал А.В. Горбатов в свою очередь вспоминал:

«Моим со-седом по нарам был в колымском лагере один крупный ког-да-то работник железнодорожного транспорта, даже хвалив-шийся тем, что оклеветал трёхсот человек. Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: "Чем больше — тем лучше: скорее всё разъяснится"»

. Как видите, данные трёх совершенно разных людей, пострадавших в то время, совпадают между собой едва ли не дословно. А такое не может быть случайностью. Это убойное подтверждение того, что всё именно так и происходило! И ведь так действовали практически 99,99% арестованных в те годы.

Незадолго до своего ареста в 1934 г. один из лидеров оппозиции — Л. Каменев — якобы по долгу службы в издательстве «Академия» готовил предисловие к сборнику, посвящённому заговору Каталины в Древнем Риме. Интересно, этому издательству больше делать было нечего, кроме как именно в то время готовить к изданию такие труды? В истории Древнего Рима не нашлось ничего иного достойного для издания, кроме истории заговора Каталины? Придется дать некоторые пояснения. В этой истории все позволяло оппозиции провести угодные ей аналогии с ситуацией 1934 г. Каменев, к приме-ру, писал, что это «революционное движение», «последняя попытка сопротивления республиканских элементов» наступлению цезаризма. Очевидно, что

прочитавшим подобные высказывания представителям оппозиции не составило бы труда спроецировать подобные оценки древнего заговора на современность 1934 г. именно в том ракурсе, в котором ей это было выгодно. Профессиональный брехун и закоренелый оппозиционер Каменев умышленно лгал, что-де катилинарии и сам Катилина «не оставили истории никаких свидетельств о своей программе, своих планах и замыслах». А как же тогда книга Гая Транквилла Светония — Каменев не мог не знать о ней.

А вот и то, зачем ему понадобилась такая ложь на пустом месте. Как бы предчувствуя фатально неизбежный провал антисталинской оппозиции, Каменев весьма «технологично» переложил всю ответственность за него на Сталина, загодя обвинив его в вынужденном применении положений Уголовного кодекса. Он отмечал, что «сохранились только свидетельства смертельных врагов движения... Обещание врага, сведение социально-политического движения к размерам уголовного преступления — такова цель обоих (то есть выразивших официальную точку зрения Цицерона и Саллюстия. — А. М.). Задача удалась... Катилина и его сообщники вошли в историю как устрашающий образец политических авантюристов, готовых ради низменных личных целей, опираясь на отребье человечества, предать на поток и разграбление основы человеческого общежития. Обычная участь разгромленного революционного движения».

С этим же обстоятельством связана и так называемая инициативная клевета на невинных людей без какой-либо надобности и принуждения со стороны следствия. К примеру, не касаясь сути дела известного театрального деятеля В. Мейерхольда, отметим, что «по его милости» было арестовано свыше ста человек, которых он назвал якобы как сообщников. Плохая ли, хорошая ли контрразведка была в СССР в то время — это другой вопрос, но она обязана была проверять каждую выявленную связь арестованного. А теперь посмотрите, во что это выливалось. В. Мейерхольд назвал сто человек. Каждый из тех ста, предположим, ещё сто. Уже только на этом уровне выходит, что десять тысяч человек попали в поле зрения контрразведки. Если, предположим, и их арестовали и каждый из них назвал опять-таки сто человек, то выходит уже один миллион человек! Даже если по пятьдесят или по двадцать и даже по десять человек, то все равно масштаб репрессий немедленно выходил в закритический уровень!

С другой стороны, ещё в самом начале трагических событий тех лет партократия едва ли не силой вырвала у Сталина согласие на репрессии. Это непосредственно связано с мифами о том, что «Сталин умышленно инициировал репрессии в СССР в 1937—1938 гг.», «Сталин умышленно пошел на незаконные репрессии в 1937—1938 гг.» и «Сталин умышленно создал ГУЛАГ как "машину для уничтожения народа"». Указанные мифы,

одни из самых подлых и коварных во всей антисталиниане. Запущены в активный пропагандистский оборот лично Хрущевым, кото-рый, по своему обыкновению, попросту повторял вымыслы Троц-кого, даже не отдавая себе отчета в том, что занимается прими-тивным плагиатом у «беса мировой революции». Мифы облада-ют одной особенностью. На протяжении многих десятилетий они были фактически единственными недоступными и даже не-приступными для принципиального опровержения.

Но не, в силе Бог, а в Правде! В последние годы их непри-ступность и недоступность для принципиального опроверже-ния вдребезги разгромил выдающийся, особенно своей лич-ной и научной смелостью, а также потрясающей объективно-стью современный историк, доктор исторических наук Юрий Николаевич Жуков. В 2003 г. он опубликовал блестящую в силу своей беспрецедентной документальной обоснованнос-ти ранее особо секретными документами (в том числе даже и не рассекреченными до настоящего времени) «Особой папки» Политбюро ЦК КПСС книгу под названием «Иной Сталин». Немалую лепту внесли также Олег Борисович Мозохин, со-здавший уникальный, полностью базирующийся на ранее осо-бо засекреченных документах КГБ СССР и «Особой папки» Политбюро ЦК КПСС труд под названием **«Право на репрес-сии. Внесудебные полномочия органов госбезопасности (1918—1953)»** (М., 2006) и кандидат исторических наук Ми-хаил Юрьевич Моруков, издавший не менее удивительную своей уникальной документальной обоснованностью книгу **«Правда ГУЛАГа из круга первого»** (М., 2006).

Особое значение для понимания событий 1937—1938 гг. имеет упомянутая выше книга Ю.Н. Жукова, главный, доку-ментально безукоризненно обоснованный вывод которого в том, что не Сталин, а именно партократия является подлинным инициатором репрессий 1937—1938 годов. Причем преж-де всего именно из-за страшивших её последствий всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе, которые устанавливались новой Конституцией 1936 года. её до бешенства страшила вполне демократическая перспектива запросто лишиться своих теплых местечек. Ю.Н. Жуков до-кументально точно доказал, что непосредственно от партократии подлинными инициаторами репрессий явились Н.С. Хрущёв и его ближайший «другок» Р.И. Эйхе, возглавлявший парторганизацию Западно-Сибирского края.

Очень характерна история второй (гражданской) жены, старшего сына Хрущеба Леонида — Розы Трейвос, племян-ницы Первого секретаря Калужского обкома партии. От-сидев в лагерях, Роза Трейвос в период «оттепели» была освобождена, сумела каким-то образом оказаться в числе приглашенных на какое-то мероприятие в Кремле, подошла к Хрущеву и при всех заявила ему следующее: «Это вы, а не Сталин, виноваты в том, что

моего дядю расстреляли и что я оказалась в лагере! Это вы, а не Сталин, виноваты & репрессиях.» Охрана с трудом оттащила разбушевавшуюся Розу от «дорогого Никиты Сергеевича»...

Даже, по данным комиссии ярого врага Советского Союза и России —недоброй памяти А.Н. Яковлева, —на «личном счёту» Хрущева 161 860 человек, угодивших по его «милос-ти» в жернова им же в значительной степени и инициирован-ных репрессий. Из них: 5.5 741 человек — за период (1936— 1937 гг.) работы первым секретарем Московского городско-го и областного комитетов партии и 106 119 человек — за период его издевательств над Украиной (с января 1938 г. и до начала войны). Это именно его Сталин вынужден был предуп-редить свержкраткой запиской — «Уймись, дурак».

Кстати говоря, попутно Ю.Н. Жуков раскрыл ещё одну, ранее недоступную для понимания тайну: почему одним из первых, если не самым первым на XX съезде КПСС, Хрущев реабилитировал именно этого негодяя — Роберта Индриковича Эйхе. Да потому, что именно он, как ещё убе-димся, и был самым главным начальным инициатором реп-рессий. Потому его и реабилитировали в первую очередь.

Ранее мной указывалось, что в СССР по-степенно подготавливались предпосылки для полной девестернизации и деленинизации страны и государства. Подго-тавливались и необходимые предпосылки для полной демок-ратизации внутренней жизни в интересах всего народа, проведения внешней и внутренней политики, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР). Апофео-зом этой политики на рубеже 1936—1937 гг. должно было стать полномасштабное вхождение в силу новой Конститу-ции СССР 1936 года, против которой крайне резко были на-строены практически все представители так называемой ле-нинской гвардии. Впрочем, сказать, что «крайне резко про-тив» — почти ничего не сказать. Они предъявляли ему самые страшные в их среде политические обвинения — похуже, чем вся статья 58 со всеми своими параграфами. «Ленинские гвар-дейцы» обвиняли его в отходе от марксизма и ленинизма. Его подвергали массивной критике слева. Они считали, что Сталин поторопился с объявлением о ликвидации антагонис-тических классов в СССР. Более того, они убежденно счита-ли, что его вариант Конституции открывает путь к реставра-ции буржуазного строя!? Но вот что касается репрессий, то, к удивлению многих, «ленинская гвардия» относилась не столько даже лояльно, сколько особо доброжелательно, на-стаивая на их усилении.

Причина столь злобной критики Сталина была проста. Прежде всего потому, что впервые после 1917 года новая Конституция (Сталина) предоставляла равные права всем гражданам СССР вне какой-либо зависимости от социального происхождения и положения, национальной принадлежности и вероисповедания. Особенно пугало «ленинскую гвардию» твердое намерение Сталина провести в жизнь одно из главнейших положений новой Конституции — реализовать положение о всеобщих, равных, прямых и тайных выборах на альтернативной основе. Оно именно тем было страшно для них, что с помощью всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе Сталин планировал мирным и демократическим путем осуществить давно назревшую ротацию правящей элиты, поскольку «ленинская гвардия» не желала заниматься созидательным трудом и непрерывно ставила палки в колеса. Сталин не скрывал этого намерения и открыто говорил, что «всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Аналогичное он планировал сделать и в партии — избрание на выборные должности в партийные органы всех уровней планировалось также на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. Попросту говоря, в интересах всех народов СССР Сталин хотел начать подлинную демократизацию страны, провести свободные выборы на альтернативной основе и тем самым мирным путем удалить от власти сложившуюся партократию, продолжавшую жить беспочвенными иллюзиями мировой революции, отстранить от управления экономикой дилетантов, заменяя их уже выросшими при Советской власти профессионалами. Он мечтал вернуть страну к спокойной жизни и проводить внешнюю и внутреннюю политику, соотносясь лишь с национальными интересами России (СССР).

К слову сказать, Сталин не скрывал от партократии, что громадное число её представителей должно быть готово к тому, чтобы лишиться своих постов. Подчёркиваю — лишиться постов, а не голов. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин сам назвал количество тех из партократов, кто должен был быть готов лишиться своих постов: 3—4 тыс. партийных руководителей высшего звена, 30—40 тыс. — среднего и 100—150 тыс. — низового звена. Обозначил и срок — в течение последующих после пленума шести месяцев необходимо «вливать в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения», то есть как раз до выборов в Верховный Совет СССР и местные советы. Более того, Сталин открыто обозначил, что партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы. А ведь больше-то им и делать было нечего!

Это вызвало невероятный всплеск буквально дикого озверения партократии, состоявшей тогда в основном из «ленинских гвардейцев» и иной примкнувшей к ним партийной швали, составлявшей их кланы, ибо она поняла, что лишится власти, что дни её сочтены самым мирным, самым демократическим путем. Уже на пленуме она заговорила только о необходимости поиска врагов и ни о чем другом. Хотя представители Группы Сталина открыто пытались повернуть партийных чинуш к

проблемам невнимания и равнодушия партий-ных секретарей к рядовым членам партии и их нуждам, а так-же к задачам по реализации положений новой Конституции. Все было тщетно. Прямо на пленуме эти твари начали обви-нять друг друга во всех смертных грехах. А дальше началась и вовсе жуткая вакханалия. Партийные секретари стали открово-венно валять дурака и телеграфно запрашивать Сталина о том, как надо голосовать на выборах в партийных организациях — выбирать ли открытым либо тайным голосованием партторгов и делегатов на партконференциях и членов бюро парткомов. Сталин ответил не только предельно коротко и ясно — «Все выборы проводятся путем тайного голосования». 20 марта 1937 г. он провел ещё и решение Политбюро «Об организа-ции выборов парторганов (на основе решения пленума)», в котором однозначно говорилось следующее: *«Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосова-ние производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кан-дидатов и критику последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование».*

А вот это был уже смертельный удар! Потому что испытание выбо-рами не выдержало бы подавляющее большинство партий-ных тварей.

Последовавшая реакция партийных секретарей со всей од-нозначностью показала следующее. Стремясь возложить всю ответственность за любые провалы, ошибки, неудачи и упу-щения в парторганизациях и народном хозяйстве на подве-домственной территории на хозяйственников, партократия стала откровенно стремиться к тому, чтобы заранее придать им политический характер и на основании этого стала открово-венно требовать арестов и репрессий в преддверии выборов. Поняв это стремление партократов, Сталин предпринял по-пытку свести к минимуму подобную практику, чтобы огра-дить от необоснованных обвинений и наветов простых граж-дан, особенно специалистов, пусть даже с далеко не безуп-речным партийным прошлым.

Между тем в ситуации, когда Сталин и его группировка едва сдерживали натиск озверевшей и жаждавшей крови партократии, произошла ещё и ликвидация верхушки загово-ра военных во главе с Тухачевским, а также в чекистских ря-дах. Возможно, Сталин и был бы рад сделать это в иной об-становке, однако поступавшая к нему информация свидетель-ствовала о том, что медлить более нельзя. К тому же в силу своей незаурядной подлости заговорщики решили восполь-зоваться семейными обстоятельствами Сталина. Было извес-тно, что из-за болезни его мать находится в тяжёлом положе-нии, и заговорщики рассчитывали, что он поедет в Тбилиси, чтобы повидаться с ней. А они тем временем осуществят в Москве переворот. Однако замысел заговорщиков был сорван, в том числе и тем, что Сталин принял очень жёсткое, нелегкое для себя, как сына, решение никуда не ездить. Он так и не смог попрощаться с матерью перед её смертью. И даже при такой ситуации заговор военных был ликвидирован букваль-но в последний момент.

Стало очевидно, что ставка на силовой вариант государ-ственного переворота ради предотвращения как вхождения в силу новой демократической Конституции, так и иных про-грессивных и также демократических по смыслу, букве и духу нововведений Сталина бита полностью. Сталин ни на йоту не отступит от своих планов. На состоявшемся в последней де-каде июня 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) это вновь было проде-монстрировано с предельной жесткостью. Осознав все это, партократия окончательно вышла из себя. её озверению и жажде крови не стало предела. Особенно, если учесть, что в заключительном выступлении на упомянутом пленуме Ста-лин фактически бросил открытый вызов партократам — для организации беспристрастного контроля за выборами по но-вой Конституции он предложил использовать существующие в стране общественные организации, но никак не ВКП(б) и её организации на местах! Уяснив, что она лишается даже при-зрачной возможности контролировать выборы, но более все-го, что она лишается возможности узаконить свой прежний руководящий статус по новой Конституции, партократия пе-решла в отчаянное контрнаступление. Опираясь на прекрасное исследование Ю.Н. Жукова, суть охватившего партократию озверения можно и должно сформулировать следующим образом. Возложение функции контроля за крайне неугодными для партократии выборами на общественные организа-ции страны означало, что партократия лицом к лицу столк-нется с подавляющим большинством народа. То есть именно с тем подавляющим большинством народа, которое она в пре-дыдущие годы восстановила против себя. Прежде всего, бес-смысленными зверствами коллективизации. Ведь в ряде слу-чаев дело тогда доходило до того, что отдельные партсекре-тари объявляли на подведомственной им территории гражданскую войну (Во всем тогдашнем советском партийно-государственном руководстве именно Сталин был жестким противником резких, тем более репрессивных мер на селе и занимал эту позицию как до 1928 года, так и после. Лишь в начале XXI в. стали известны секретные документы, наглядно свидетельствовавшие о том, что спровоцированное троцкистской оппозицией насилие на селе вызвало крайне резкую, негативную, а, главное, немедленную реакцию Сталина. Так, когда 30 января 1930 г. в Москву поступили сведения о крайнем насилии, осуществляемом на селе первым секретарем Средне-Волжского крайкома Менделем Хатаевичем, Сталин уже 31 января направил ему секретную телеграмму следующего содержания: *«Ваша торопливость в вопросе о кулаке ничего общего с политикой партии не имеет. У вас получается голое раскулачивание в его худшем виде»* . Телеграмма была подписана также Молотовым и Кагановичем. Причина такой резкой и немедленной реакции Сталина заключалась в том, что Мендель Хатаевич решением бюро крайкома от 20 января 1930 г. фактически развязал гражданскую войну к отдельно взятом регионе!). Более того. Бессмысленной борьбой с церквями, в том числе и их закрытием, отвратительной орга-низацией снабжения продовольствием, предметами широко-го потребления в годы первой и второй пятилеток, жестоким отношением к нуждам простых граждан, в том числе и рядо-вых членов партии.

«Именно местным партийным руководителям, — отмеча-ет Ю.Н. Жуков, — и именно

теперь, в ходе всеобщих равных, прямых, тайных, да ещё и альтернативных выборов, грозило самое страшное — потеря одного из двух постов, советского, обеспечивавшего им пребывание в широком руководстве, гарантировавшего обладание неограниченной властью. Ведь по сложившейся за истекшее десятилетие практике первые секретари крайкомов и обкомов обязательно избирались сначала депутатами всесоюзных съездов советов, а уже на них членами ЦИК СССР, как бы подтверждая тем полную и единодушную поддержку

всего

населения края, области. Потеря же депутатства, теперь уже в Верховном Совете СССР, означала утрату доверия со стороны как беспартийных, так и членов партии. А в таком случае чуть ли не автоматически мог возникнуть вопрос о дальнейшем пребывании данного первого секретаря и на его основном посту, партийном. Решение ПБ (Политбюро. —

А. М.

)...

его могли утвердить на иной должности

, вполне

возможно

,

на

хозяйственной, требующей образования,

знаний, опыта — всего того, чем он не обладал

».

В авангарде этого отчаянного контрнаступления на Сталина и в целом Политбюро оказались возглавлявшие парторганизации Западно-Сибирского края и Москвы — кровавые бандиты Р.И. Эйхе и Н.С. Хрущев. Ю.Н. Жуков установил содержание ранее неизвестного пункта № 66 также ранее неизвестного протокола № 51 заседания Политбюро 28 июня 1937 г., в котором говорилось:

«1. Признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков. 2. Для быстрого разрешения вопроса создать тройку в составе Миронова (председатель), начальника управления НКВД по Западной Сибири, тов. Баркова, прокурора Западно-Сибирского края, и тов. Эйхе, секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии». Ю.Н. Жуков справедливо замечает:

«Содержание решения, бесспорно, свидетельствует, что оно появилось на свет как реакция на обязательную для таких случаев инициативную записку Р.И. Эйхе. Записку,

до сих пор не найденную, но содержание которой можно реконструировать с большой достоверностью. Скорее всего, ею Эйхе попытался подтвердить и развить мысль, высказанную им ещё на февральско-мартовском пленуме (1937 г. — А.М.) Тогда он беспартийно заявил: мол, в Западной Сибири существует «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу».

Вполне возможно, Эйхе отметил в записке и то, что не разоблаченная до сих пор полностью некая «повстанческая контрреволюционная организация угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. И потому, как можно предположить, просил ПБ санкционировать создание «тройки», наделенной правом выносить смертные приговоры. Подобное откровенное игнорирование права, презрение к существующей судебной системе, даже основанной на чрезвычайных законах, было присуще Роберту Индриковичу Эйхе издавна, практически всегда сопровождало его деятельность. В 1930 г. жёсткий, волюнтаристский стиль работы Эйхе, слишком наглядно продемонстрировавшего свою предельную некомпетентность, вызвал резкий и открытый протест большой группы ответственных работников Сибири. Однако именно они, а не Роберт Индрикович, были сняты со своих должностей. В 1934 г., в ходе хлебозаготовок, Эйхе истребовал от ПБ право давать санкцию на высшую меру наказания на подведомственной ему территории в течение двух месяцев — с 19 сентября по 15 ноября (должен заметить, что в данном случае Ю.Н. Жуков по недоразумению случайно ошибся — как указывалось выше, Сталин не дал такой санкции. — А. М.). Видимо, вспомнив о том, он и обратился в ПБ с новой просьбой о создании внесудебного, не предусмотренного никакими законами органа, «тройки» — органа, явившегося почти точной копией тех военно-полевых судов, которые царили в стране в период первой русской революции. Инициативная записка Р.И. Эйхе оказалась тем камушком, который вызвал страшную горную лавину. Три дня спустя, 2 июля, последовало ещё одно решение ПБ, распространившее экстраординарные права, предоставленные поначалу лишь Эйхе, уже на всех без исключения первых секретарей ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов.

«Замечено, — констатировалось в нём, — что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»

Ю.Н. Жуков далее отмечает: «Легко заметить странную двусмысленность решения. Прежде всего, то, что первых сек-ретарей отнюдь не обязывали создавать "тройки" и брать на учёт с помощью сотрудников НКВД возвратившихся из ссыл-ки "кулаков и уголовников". Им только предлагалось, то есть оставлялось на их собственное усмотрение, сделать это или не сделать. Во-вторых, в решении ПБ от 2 июля вполне опре-деленно говорилось о том, что взятых на учёт следует разде-лить на «наиболее враждебных» и «менее активных». И в том и в другом случае явно подразумевалась отдача на произвол "троек" далеко не всех взятых на учет, а лишь "зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений", а также участников подобного рода действий, несомненно, подлежащих уголовному преследованию. Наконец, вряд ли случайно на столь сложную и потому продолжительную ра-боту отводилось всего пять дней. Безусловно, подразумева-лось, что действовать тройки будут недолго и лишь по уже существующим в управлении НКВД спискам.

... Есть все основания полагать, что Р.И. Эйхе, обращаясь в ПБ, действовал не только от себя, лишь в своих интересах. Он выражал требования значительной группы первых секре-тарей, а может быть, и их абсолютного большинства, настаи-вал на том, что загодя обговорили члены широкого руковод-ства в кулуарах пленума либо вечером...» после работы пле-нума.

«Трудно отделаться от предположения,

— подчёркивает Ю.Н. Жуков, —

что инициативная записка Эйхе являлась не-ким пробным шаром, способным проверить, пойдет ли сталинская группа им навстречу в данном случае, и насколько, чтобы в противном случае предпринять адекватные меры».

Жуков указывает в этой связи на редкое, даже уникаль-ное, как он считает, посещение руководителями региональ-ных парторганизаций кремлевского кабинета Сталина в те са-мые дни, то есть между 28 июня и 2 июля. 1 июля со Стали-ным и Молотовым встретились пять первых секретарей, а 2 июля ещё четверо. И, судя по всему, это-то и было конкрет-ным проявлением широкого и активного контрнаступления партократии на Сталина и его ближайших соратников. Эйхе вышел с инициативой, получил разрешение и тут же ринулись остальные. Подыграл этому широкому и активному контрна-ступлению партократии и новый нарком внутренних дел Ежов — сам выходец из партократии. Ему-то, по ещё не поте-рявшим для него смысл корпоративным соображениям, лег-ко было найти общий язык с такими подонками от партократии, как Эйхе и другие первые секретари, чтобы совместными усилиями как можно скорее силой устранить тех, кто непре-менно проголосовал бы против партократов, а может быть, и провел бы собственных депутатов.

В целях прояснения ситуации того времени должен обратить особое внимание на то обстоятельство, что такие планы — те, что выделены жирным текстом, — у различных слов оппозиции действительно были. Например, репрессированный в 1937 г. родной брат по сию пору ёрничающего на телевидении художника Б. Ефимова — Михаил Кольцов (настоящая фамилия Фридлянд) — на одном из допросов показал о планах новой оппозиции следующее: «... *На троцкистов и бухаринцев рассчитывать не приходится, ибо все эти люди конченные и связь с ними губельна, но в стране... имеются но-вые кадры недовольных и жаждущих контактов с Западной Европой молодых интеллигентов... новая конституция в корне изменит обстановку политической борьбы, очень многое упростит и легализует, так что будет безопаснее добиваться поставленных целей, используя для давления на правительство парламентские формы. Наркомы и целые составы правительств будут ниспровергаться и предлагаться с парламентской трибуны. С этой трибуны надо будет добиваться настоящей свободы слова в буржуазном смысле слова, отмены монополии внешней торговли, восстановления концессии — того, что требуют иностранные державы...*»

Не следует полагать, что другие контингенты оппозиции не разрабатывали аналогичных же планов.

Для Ежова это имело ещё и тот смысл, что после разоблачения и ликвидации заговора Тухачевского и в целом в связи с завершением операции «Клубок» (Операция, которую Сталин назвал «Клубок», началась в первых числах января 1935 года. Брат первой жены Сталина — председатель правления Внешторгбанка А.С. Сванидзе — сообщил, что в Кремле возник заговор с целью совершения государственного переворота, что заговор возглавляют близкие ему люди — председатель ВЦИК СССР А.С. Енукидзе и комендант Кремля Р.А. Петерсон — и что заговорщики собираются арестовать всю руководящую пятёрку (узкое руководство), то есть Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Переворот планировался «дворцового типа» — руководство должно было быть арестовано либо на квартирах, либо в кабинете Сталина во время одного из заседаний. Наилучшим вариантом считался арест во время киносеанса в кинозале Кремля на втором этаже Кавалергардского корпуса. Переворот должен быть осуществлен силами кремлевского гарнизона. Для ареста узкого руководства уже подготовлены абсолютно надежные и готовые на все пятнадцать человек. Как правило, эту информацию называют доносом. Причем даже в тех случаях, когда приводят беспрецедентно убедительные, с прямой ссылкой на особо секретные ранее архивы Политбюро данные о том, что этот заговор действительно имел место быть. Так что называть его доносом нет ни малейших оснований. Тем более что все это подтверждается данными следствия и судебных процессов.) НКВД как бы и делать было больше нечего. Но Ежов-то, как выяснилось уже впоследствии, страдал чрезвычайно опасной для руководителя карательного органа болезнью — он просто не умел останавливаться. Не говоря уже о том, что втайне мечтал войти в состав высшего руководства СССР. А на чем себя проявить-то?! И, судя по всему, в силу всех вышеуказанных соображений и не без содействия партсекретарей Ежов присутствовал на их встречах со Сталиным и Молотовым 1 и 2 июля. И явно именно он и готовил циркулировавшее выше решение ПБ от 2 июля, по которому НКВД отводилась если и не

главная, то по крайней мере достаточно весомая роль — взять на учёт «кулаков и уголовников», то есть тех самых, в основном крестьян, которым, благодаря настояниям АЛ. Вышинского, возвратили избирательные права. А ведь Вышинский не самодеятельностью занимался, а выполнял решения Сталина и его соратников.

Нельзя не отметить, что Сталин отчетливо понимал всю остроту момента и активного натиска партократии. Не случайно, в частности, он ограничил срок исполнения решения ПБ от 2 июля всего пятью днями, рассчитывая в данном случае на невозможность исполнения решения, особенно из-за неповоротливости партийного аппарата, тем более в координации с органами НКВД. К сожалению, расчет Сталина не оправдался. Партократия уже закусила удила. Первые ответы пришли в срок, вторая партия уже 9—11 июля. Самые кроважидные списки представили 1-й секретарь МКВКП(б) Н.С. Хрущев и его дружок и такой же бандит, 1-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. Как справедливо указывает Ю.Н. Жуков, Хрущев подозрительно быстро разыскал в фактически никогда не имевшей кулаков огородной по своей аграрной сути Московской области **41 305** «бывших кулаков» и «уголовников», из которых 8500 человек потребовал приговорить к расстрелу, а

32 805

человек — к высылке (впоследствии это список был им увеличен). Эйхе пошел дальше. Этот подонок только к расстрелу потребовал приговорить

10 800

человек, а количество обреченных на высылку — и вовсе оставил неопределенным в попытке сохранить за собой право самостоятельно решать этот вопрос.

Обратите внимание на точное совпадение озвученного Сталиным количества партократов, которые, по его мнению, должны лишиться своих постов, и тем, что представили эти партийные твари уже в первом списке. По максимуму озвученная Сталиным цифра составляла **194** тыс. партократов всех уровней. Не желая подвергаться давно заслуженным, в виду плохой работы, болезненным ударам «хлыста», о котором говорил Сталин, то есть крайне опасаясь всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе, партократия выставила вместо себя, но, в отличие от сталинского плана мирной ротации руководящей элиты, уже на кровавое заклятие такое же и даже чуть большее количество «врагов народа», которых подозрительно быстро сосчитали по всей стране. Первым же списком партократия представила список на 194 122 человека. В том числе 68 739 человек — к расстрелу. То есть 35,41% от общего числа представленных по первому списку к репрессиям.

Именно представленные партократией списки «врагов народа» вошли составной частью в приказ Ежова по НКВД от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». И когда он, добавив

данные самого НКВД, свел их все воедино, то оказалось, что только первая волна репрессий затро-нет ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК!

Один только этот факт означал, что намеченные для репрессирования 250 тысяч человек автоматически потянут за собой в общей сложности не менее 2,5 миллиона человек. По-тому что прежде чем репрессировать, их тоже допрашивали бы, и они тоже кого-то назвали бы, в среднем, не менее 10 человек, а иные, по примеру оппозиции, также «закладывали» бессчетное количество абсолютно невинных людей. Более того, Ежов пошел на расширение трактовки понятия «кулаки и уголовники». Помимо отбывших различные сроки наказания и реабилитированных крестьян и иных категорий населения, которым новая конституция вернула гражданские права, Ежов впихнул в их число членов различных антисоветских политических партий. Например, эсеров, грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватов, узбекских иттихадистов и т.п., а также бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов. Причем с маниакальным упорством всех их он относил к сельским жителям. То есть, грубо говоря, нагло подтягивал эти категории под решение ПБ от 2 июля.

Хуже того. Ежов самовольно пошел на невероятное расширение масштаба репрессий, введя понятие «семей, члены которых способны к активным антисоветским действиям» и «члены семей репрессированных по 1-й категории» (то есть расстрелянных). Из всего этого очень скоро получились трагические «ЧСИР» и «ЖИР» — то есть члены семей изменников родины и жены изменников родины. А ведь одновременно-то никуда не исчезла задача борьбы с троцкистской, бухаринской и прочей оппозицией. И этих-то вообще принципиально «вырубали» кланами, потому как кланами же они друг друга и закладывали.

Остается только один вопрос. Почему партократия так торопилась именно в промежутке с 28 июня по 2 июля, а затем с невиданной скоростью представила списки для репрессий? Оказывается, все дело было в том, что в те же дни сессия ЦИК СССР должна была утвердить и утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» и новая избирательная система, включая и альтернативность, стала законом. Именно поэтому партократия и торопилась — она откровенно стремилась изначально превратить этот важнейший документ в ничего не значащий листок бумаги!

Вырвав же согласие на репрессии, партократия заимела возможность открыто создать угрожающий фон всей избирательной кампании. С каждой неделей репрессии ширились, поражая не только и даже не столько крестьянство, хотя ему незаслуженно

крепко досталось, сколько тех, кто развязал против них и иных уже реабилитированных слоев населения некое подобие гражданской войны. А репрессиям против последних, то есть против партocrats, «...теперь чуть не непременно стали предшествовать обсуждения на партийных пленумах и съездах после чего незамедлительно следовала опала и, как правило, затем и сами репрессии. Небезынтересно отметить, что поначалу компрометирующие сведения, особенно в отношении высокопоставленных лиц, поступали вовсе не из НКВД, а из рядовой партийной массы»

. Порой достоверная, а подчас и амальгамная или попросту вымышленная информация ложилась затем в основание уже чисто политических обвинений, в том числе и в контрреволюционных преступлениях.

Ю.Н. Жуков справедливо отмечает: *«Всё это в совокупности достаточно наглядно демонстрировало, во что неизбежно выльется задуманная избирательная кампания. Со свободой не только выдвижения, но и обсуждения каждого кандидата в депутаты, особенно — Верховного Совета СССР, на открытых собраниях. В обстановке несомненного массового психоза, деловую критику, установление единственно требуемого — способен ли данный человек в случае победы на выборах выражать и защищать интересы тех, кто его выдвинул, — непременно подменит "охота на ведьм" с её вечными атрибутами — подозрительностью, торжеством наветов и инсинуаций, патологической жаждой крови. И, скорее всего, начнется самое обыкновенное сведение счётов, далеко не всегда порожденных политическими разногласиями.*

Ни к чему не привели и обе противоречивые попытки обуздать партократию. Сначала — пойдя ей на уступки, наделив неограниченными правами, затем обрушив репрессии против неё. С надеждой провести альтернативные выборы приходилось окончательно распрощаться. Их просто не позволили бы провести. Партократия в самоубийственном противостоянии сумела добиться своего — сохранила в полной неприкосновенности старую политическую систему, теперь лишь прикрытую как камуфляжной сеткой новой конституцией». Хотя и, откровенно говоря, изрядно поприхла. Сталин вполне ясно продемонстрировал, что может и «железной рукой» обуздать партократию.

Подводя итог, следует прямо сказать, что полной неудачей завершилась первая попытка группы Сталина реформировать политическую систему Советского Союза. Вторая же, послевоенная его попытка с реформой политической системы страны окончится его убийством.

Вот так и начинались репрессии. Так складывался их разгульный масштаб, приведший в итоге, в том числе и к небоснованности и незаконности части из них. А этого уже

просто не могло не быть ещё и ввиду отсутствия чекистского профессионализма у самого Ежова, которого его замы и сотрудники без особого труда обводили вокруг пальца и подсовывали любые бумаги на подпись, тем более что он очень быстро за-пил по-черному. В делах Лубянки он ничего не соображал, и обмануть его не представляло никакого труда. К тому же, подчеркиваю, у него была опасная черта характера — он просто не умел останавливаться. И это не говоря уже о том, что в самих чекистских рядах оказалось немало негодяев, особенно из числа так называемых «коммунистов-интернационалистов». Эти подонки отличались особым, но крайне неуместным рвением, — прежде всего в том смысле, как действовала оппозиция, стремившаяся спровоцировать как можно больше арестов, рассчитывая на то, что чем больше арестов случится, тем быстрее прекратят репрессии против оппозиции. Но одновременно они ещё и особо зверствовали, в том числе и в расчете на то, чтобы выслужиться. Слава Богу, что в конце-то концов заслуженная кара настигла очень многих из них и эта мразь оказалась у расстрельной стенки.

Говоря обо всем этом, менее всего автору хотелось бы, чтобы написанное им восприняли как оправдание Сталина. Прежде всего, потому что автор не адвокат, а Сталин, само собой разумеется, в адвокатах не нуждается. Обвинителей же — и так несть им числа. Но об одном хочу сказать прямо. Единственное, в чем действительно можно и нужно всерьез, но ретроспективно упрекнуть Сталина, так это в том, что он не имел никакого права поддаваться даже откровенному нажиму со стороны партократии, озверевшей из-за ликвидации заговора Тухачевского как силового рычага государственного переворота, на который она делала ставку. Ведь сам же потом горько сожалел о происшедшем, а после войны хотел открыто покаяться перед народом за допущенные трагические ошибки.

Однако спустя семь десятилетий легко так говорить. Только вот как прочувствовать всю сложность ситуации лета 1937 г., когда армия на грани взрыва, извне — надвигается угроза войны, а на носу ещё и откровенный бунт партократии, которая в течение 20 лет держала власть в стране и просто так сдавать свои позиции не собиралась?! На протяжении всех лет подготовки к конституционной реформе партократия только и знала, что ставила палки в колеса. Не говоря уже о сильнейшем противодействии оппозиции курсу на индустриализацию. Заговорщическая активизация всех элементов антисталинской оппозиции с точностью до миллиметра и секунды совпадает с началом подготовки к конституционной реформе.

Хуже того. Своими действиями она откровенно грозила развязать и в конце концов развязала-таки новую Гражданскую войну в стране! И в то же время единственный в тот момент рычаг для удержания власти в стране — все та же проклятая партия, точнее, партийный аппарат на местах! Даже в той же армии, где в связи с ликвидацией

заговора Тухачевского срочно был восстановлен институт ненавистных комиссаров. Сталин выбрал главное — сохранение государства. Партократия же, сделав вид, что согласна с таким выбором, ответила зверскими репрессиями против всех, кто хоть как-то выступал против нее, фактически сорвав намеченный процесс демократизации в ходе конституционной реформы. Государство-то уцелело, но какой невероятный ущерб Советскому Союзу нанесла партократия. 1937—1938 гг. навсегда ославлены репрессиями, даже если во многих случаях они были законными и обоснованными. Но почему за это должен отвечать только один Сталин?! Только потому, что он «лицо кавказской национальности»? Или потому, что не дал порулить Великой Державой Троцкому и его банде негодяев?!

Надо отдать должное Сталину — он-то прекрасно понимал, что все шишки свалят на его голову. Вновь обращаю внимание на то, что после войны он искренне хотел покаяться перед народом за допущенные в предвоенный период трагические ошибки, прежде всего за 1937—1938 гг. Не успел. Убили. В том числе и за это намерение. А также за новую попытку оторвать-таки партократию от власти.

Спустя всего три года после смерти его оклеветали так, как никого в Истории. И до сих пор шквал клеветнических обвинений не утихает. Однако все обвинения в его адрес могут быть сняты или, по меньшей мере, могут быть приведены в адекватное историческим реалиям состояние, в том числе и в плане соразмерности его вины обвинениям в его адрес, лишь тогда, когда полностью откроют все архивы и будет проведено скрупулезное изучение каждого дела. Но власти ни посталинского СССР этого не желали, ни постсоветской России не желают. Политический же бандитизм Комиссии А.Н. Яковлева, огульно реабилитировавшей и продолжающей уже при новом своем главаре огульную реабилитацию всех — от контрабандистов и басмачей до шпионов и диверсантов — нельзя расценивать как тщательное изучение тех событий, ибо это всего лишь конъюнктурная подтасовка под текущие политические цели.

В завершение этой части анализа группы мифов небезынтересно было бы указать, что в 1940 г. при численности населения СССР 194,2 млн. человек было всего 6549 убийств. В современной «демократической» России при 142 млн. человек населения ежегодно в результате убийств гибнет до 100 тысяч человек, включая и тех, кто скончался позже в больницах после покушений на их жизнь, и более 70 тысяч пропадает бесследно.

Что же касается вопроса законности репрессий, то тут также следует исходить не из эмоций, а из фактов, прежде всего юридических. Да, понимаю, дело это скучное, но в данном случае архиважное. Потому что как бы мы ни относились к тому времени, но

органы госбезопасности и тогда действо-вали не в безвоздушном пространстве, а на основе действо-вавших законов СССР и ведомственных приказов, контроли-ровавшихся постановлениями Политбюро ВКП(б), ВЦИК и Совнаркомом СССР. Хотим мы признать это или нет, но по тем временам это считалось вполне легитимным.

К примеру, после убийства СМ. Кирова (1 декабря 1934 г.) появилось ставшее впоследствии широко известным Поста-новление Президиума ЦИК и СНК СССР «О внесении изме-нений в действующие уголовно-процессуальные кодексы со-юзных республик», которое вводило «облегченный» порядок ведения следствия и судопроизводства по делам, связанным с терроризмом. Современному читателю такие названия госу-дарственных органов, как Президиум ЦИК и СНК СССР, мало что говорят, если вообще что-либо говорят. Между тем Цен-тральный Исполнительный Комитет СССР являлся высшим органом законодательной власти, а СНК СССР, то есть Совет народных комиссаров СССР, или, по-современному, Кабинет министров, — высший орган исполнительной власти в Совет-ском Союзе. То есть с юридической точки зрения введение «облегченного» порядка следствия и судопроизводства по делам о терроризме по тем временам было абсолютно закон-но, легитимно. И то же самое произошло, когда своим поста-новлением от 14 сентября 1937 г. ЦИК СССР распространи-ло сходный порядок ведения следствия и судопроизводства по делам «о контрреволюционном вредительстве и диверсиях». Можно произносить какие угодно эмоциональные речи Насчёт демократии, однако же предоставление таких прав органам госбезопасности было осуществлено легитимно — высшим законодательным органом государства и в рамках существовавшего тогда законодательства.

Возьмём другой законодательный акт, по которому про-шло значительное количество репрессированных в то время. 4 февраля 1937 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о порядке судебного рассмотрения дел на троцкистские антисоветские группы. Совместные по-становления ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Советском Союзе были законным, легитимным актом. В данном случае его про-ект был представлен народным комиссаром внутренних дел СССР Н.И. Ежовым, Генеральным прокурором СССР А.Я. Вы-шинским и председателем Верховного Суда СССР В.В. Ульрихом.

Теперь в отношении права на внесудебные репрессии, ко-торое было использовано в 1937—1938 гг. Народный комис-сариат внутренних дел СССР был создан на основе постанов-ления ЦИК СССР от 10 июля 1934 года. С образованием НКВД СССР были упразднены судебная коллегия и «трой-ки», существовавшие в системе ОГПУ. Право на внесудебные репрессии было сохранено только за Особым совещанием при НКВД СССР (ОСО НКВД СССР). И это тоже официально было предусмотрено упомянутым постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. Положение об Особом совещании при

НКВД СССР было утверждено 5 ноября 1934 г.

В 1937 г, права Особого совещания при НКВД существенно расширены. И тем не менее даже в этом случае была сохраниена надзорная функция за его решениями. Она была от-дана Прокурору Союза ССР (и его заместителю), который, обязательно участвуя в заседаниях Особого совещания, в слу-чае несогласия как с самим решением Особого совещания, так и с самим фактом направления того или иного дела на рассмотрение Особого совещания, имел право внесения про-теста в Президиум ЦИК Союза ССР. Причем в указан-ных слу-чаях решение Особого совещания приостанавливалось до вы-несения решения Президиума ЦИК. То есть определенная законность все-таки сохранялась — хотя и в минимальном раз-мере, но сохранялась. Кстати говоря, Прокурор Союза ССР и его заместители довольно-таки часто пользовались этим пра-вом, ограничивая произвол НКВД, насколько это было воз-можно в тех условиях.

Особые нарекания вызывают ряд приказов НКВД по реп-рессированию отдельных категорий населения, в основе кото-рых лежал так называемый этнический принцип. Считается, что это были «удары по площадям». К их числу относятся та-кие приказы, как, например, об аресте всех немцев, работав-ших на оборонных заводах (артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулемётных, патронных и т.п.), и высылке части аре-стованных за границу, о ликвидации местных организаций ПОВ (Польская организация войсковая), прежде всего её диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышлен-ности, на транспорте, совхозах и колхозах, а также другие.

При всей внешней жестокости этих приказов, особенно если на них смотреть с позиций современной демократии и прав человека, это мера была вынужденная, но, увы, необхо-димая. После всех катаклизмов, которые Россия пережила в период Первой мировой и Гражданской войн, в стране дей-ствительно было огромное количество всевозможной агенту-ры различных разведок, эмигрантских и контрреволюцион-ных организаций. К примеру, вплоть до 22 июня 1941 г. со-ветская контрразведка различными способами изымала из сейфов резидентуры германской разведки в Москве списки германской агентуры по всему Советскому Союзу.

В этом смысле очень характерна история с германским по-слов в СССР графом Шуленбургом, который в первую оче-редь был очень опытным разведчиком-агентуристом со спе-циализацией по России, о чем не слишком-то широко извест-но. Фридрих Вернер фон Шуленбург был один из наиболее крупных и опытнейших германских разведчиков того пери-ода, специалистом по России, особенно по Закавказью, в част-ности по Грузии, где он начинал свою разведывательную ка-рьеру ещё в царские времена, в 1911

г., став вице-консулом Германской империи в Тифлисе. В годы Первой мировой войны XX в., он естественно, отсутствовал в России, однако уже в 1918 г. вновь появился в Закавказье в качестве главы дипломатической миссии при командующем германскими оккупационными войсками генерале фон Крассе. Ещё с дореволюционных времен располагал мощной, широко разветвленной и глубоко законспирированной агентурной сетью в Закавказье. В начале 1914 г. царской контрразведке каким-то образом удалось изъять у Шуленбурга записную книжку со многими фамилиями лиц, проживавших в Закавказье. Война, правда, помешала изобличить их всех, а после октября 1917 г. этим и вовсе никто не занимался. Но вот что интересно. Когда Шуленбург прибыл в СССР послом, то спустя пару лет советская контрразведка негласно изъяла у него список его личной агентуры. И он полностью совпал с тем списком, который изымала ещё царская контрразведка. И вся эта агентура занималась шпионажем в пользу нацистской Германии.

Не в оправдание, а всего лишь в объяснение такой чистки хотелось бы отметить одно, как представляется, чрезвычайно важное обстоятельство. С 1935 г. Москве было достоверно известно, что вооружённое нападение на СССР планируется консолидированными силами коалиции ряда государств в составе Германии, Польши, Румынии, Финляндии, а также прибалтийских лимитрофов при участии также и Японии. Вот в отношении контингентов лиц указанных национальностей и их всевозможных организаций на территории СССР и предпринимались столь жесткие меры. После того, что произошло в Испании, когда весь мир облетела знаменитая фраза франкистов о «пятой колонне», было бы удивительно, если, Москва не отреагировала на это. Тем более что у России к тому времени был слишком печальный опыт того, как её судьбу в 1917—1922 гг. решали даже и не сами её коренные жители, а всевозможная эмигрантская сволочь, которой к октябрьскому перевороту в стране скопилось свыше 5 млн. человек! Вот эта шваль и была слишком активно задействована в тех страшных катаклизмах, которые пришлось пережить России. Сталин же обладал поразительно уникальным для России талантом не только вовремя извлекать уроки из печального прошлого, но и прежде всего извлекать их в превентивном порядке.

Конечно, сколько ни объясняй, все равно факт остается фактом — репрессии затронули, к глубочайшему сожалению, также и невинных людей. И в этой связи необходимо сказать следующее. Сталин и его соратники сумели остановить развязанную Ежовым вакханалию репрессий. Ведь этот подонок с подачи таких же подонков, как Хрущев, Эйхе и прочая партсволочь, наарестовал за 1937—1938 гг. 1 372 392 человек «врагов народа». 681 692 человека были расстреляны. К 21 июля 1938 года в тюрьмах ГУЛАГа скопилось громадное количество лиц, подавших кассационные жалобы в связи с несправедливыми приговорами. Более 100 тысяч человек вообще содержались с нарушениями всяких сроков следствия.

22 августа 1938 г. первым заместителем наркома внутренних дел был назначен Л.П. Берия. 29 сентября того же года по совместительству он стал ещё и начальником Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР. А с 25 ноября 1938 г. он стал наркомом внутренних дел СССР. Едва только Берия появился на Лубянке, так тут же исключитель-но резко стали снижаться масштабы всех видов репрессий. В целом их масштаб немедленно был снижен в 10 раз, в отношении военнослужащих — более чем в 61 раз по сравнению с пиком арестов лиц комсостава в 1937 г. (с 4474 до 73). А нам все Берия да Берия... Немедленно было запрещено приведение в исполнение ранее вынесенных расстрельных пригово-ров. Дела арестованных в массовом порядке стали направлять-ся на пересмотр и доследование.

Только за 1939 г. и первый квартал 1940 г. Л.П. Берия спо-собствовал освобождению из тюрем 381 178 чел., а к началу войны ещё примерно 130 тыс. человек. И это не говоря уже о тысячах и десятках тысяч реабилитированных. Именно из-за этого Генеральный прокурор СССР в 1939—1940 гг. М. Панк-ратов дважды строчил доносы на Берию, что-де он умышленно прекращает дела на «врагов народа» и освобождает их. Дваж-ды этим вопросом занималась авторитетная партийно-государ-ственная комиссия и дважды же подтвердила абсолютную за-конность и обоснованность действий Берии и возглавляемого им НКВД СССР. Конечно, это не значит, что органы госбезопасности почивали после этого на лаврах и ни хрена не делали. Нет, ибо этого не могло быть по определению — государственный механизм не может не функционировать, иначе не будет государства. Просто все пришло в соответствие с законами того времени. Так, если при Ежове за 1937—1938 гг. за контррево-люционные преступления (ст. 58 УК РСФСР) были осуждены 1 372 392 чел., то за 1939 г. — только 63 889 чел., то есть в 21,5 раза меньше. Да и то в основном это было связано прежде всего с присоединением Западной Украины и Западной Бело-руссии. Вот вам и «злодей» Берия.

В заключение ещё раз хотел бы обратить внимание на сле-дующее. Вопрос о репрессиях 1937—1938 гг. настолько тра-гическая и болезненная тема, что, обращаясь к ней, необхо-димо, насколько возможно, быть максимально объективным и постоянно помнить, что за прискорбными цифрами — тра-гические судьбы людей. Необходимо проявлять хотя бы эле-ментарный такт и не жонглировать цифрами с невероятным количеством нулей. По меньшей мере, это просто подло. По-тому, что, во-первых, при всей масштабности развернутой Ежовым вакханалии репрессий, десятков миллионов жертв его произвола, слава Богу, все-таки не было. К тому же, и, во-вторых, далеко не всегда в тех трагедиях был виноват лично Сталин.

И, наконец, в-третьих. В последнее время в России, как якобы само собой разумеющееся, привилась паскудная мане-ра все время равняться на чертов Запад, который, видите ли, «светоч демократии и образец соблюдения прав человека». Так вот,

для любителей во всем кланяться Западу сообщаю, что едва только в сентябре 1939 г. по своей же дурусти вля-павшись во Вторую мировую войну, власти Великобритании немедленно, без суда и следствия арестовали 20 тысяч членов британской нацистской партии во главе с сэром Освальдом Мосли и его женой. Более того. Замели ещё свыше 74 тысяч человек, которые, по мнению британской контрразведки, имели подозрительные связи с Германией. Подчеркиваю, без суда и следствия без исключения всех засадили в концентрацион-ные лагеря с очень тяжелыми условиями содержания. Всего же в Великобритании в концлагерях сидело около 150 тысяч человек, которых власти расценивали как подозрительных. Американцы же сразу после Пёрл-Харбора засадили в кон-центрационные лагеря свыше 112 тысяч своих сограждан толь-ко за то, что у них был японский разрез глаз! Затем взялись и за немцев именно как за немцев. Сажали без разбору всех под-ряд только за то, что они немцы. В СССР их удаляли из стра-тегических отраслей экономики, из оборонной промышлен-ности, из армии. В Америке же просто за то, что они немцы. Однако никто в мире не обвиняет ни США, ни Великобри-танию в нарушении демократии и прав человека. С какой же стати считается возможным идти на поводу у подонков Запада и обвинять Сталина в репрессиях против «пятой колонны»?!

А.Б. Мартиросян